

История российских масонов насчитывает уже более двух с половиной веков. И если поначалу членство в обществе «вольных каменщиков», как называли себя масоны, было модным поветрием, которое, по слухам, не миновало и кое-кого из российских императоров, то спустя век ситуация изменилась. В 1822 году Александр I своим указом распустил масонские ложи, а после выступления декабристов в 1825 году принадлежность к любому тайному обществу в России расценивалась как государственное преступление. Однако «дети вдовы» (второе самоназвание масонов) лишь затаились, время от времени напоминая о себе.

St Petersburg's Masonic Secret

масонская тайна Петербурга

Михаил САФОНОВ/
by Mikhail SAFONOV

The history of Freemasonry in Russia goes back more than two and a half centuries already. And while in the beginning membership of this secret fraternal order was a fashionable craze that, so rumour had it, extended even to some of the Russian emperors, a century on the situation changed. In 1822 Alexander I issued a decree dissolving the Masonic lodges. Then after the Decembrist uprising in 1825, membership of any sort of secret society in Russia was categorized as a crime against the state. But the “children of the widow” (another name by which the Masons call themselves) only went into hiding, reminding people of their continued existence from time to time.

Слева сверху. Знак ложи «Соединенных друзей». На треугольнике — название ложи на французском языке, внутри — соединенные в пожатии руки, один из главных масонских символов. Начало XIX века.

Вверху. План Санкт-Петербурга. 1812 год.

Ниже. Золоченая серебряная лопаточка мастера Иоанновского масонства на черной деревянной ручке. Начало XIX века.

Above left. The sign of the United Friends lodge. The triangle bears the name of the lodge in French and within a handshake, one of the chief Masonic symbols. Early 19th century.

Above. A plan of St Petersburg. 1812.

Below. A gilded silver trowel with a black wooden handle belonging to a master of St John Masonry. Early 19th century.

В 1834 году в столице Российской империи вышло из печати для той поры беспрецедентное по дерзости издание «Панорама Санкт-Петербурга». Оно представляло собой своеобразный путеводитель по Петербургу для... масонов. Автором его был сын военного коменданта столицы Александр Павлович Башуцкий, подполковник в отставке, чиновник особых поручений Министерства юстиции. Поскольку тогда титулы и должности не имели значения для преодоления рогаток николаевской цензуры, то возникает вопрос: как же ему это удалось?

Бог не обделил Башуцкого талантами. В литературных кругах он слыл превосходным рассказчиком с бойким пером, а завсегдатаев светских салонов блестяще развлекал фокусами.

В книге Башуцкого мастерски использованы иносказания. Он сумел так замаскировать свои «откровения», что они были понятны только посвященным. Разумеется, в тексте масонство не упоминалось, однако автор постоянно использовал термины масонского учения, которые, впрочем, были широко употребимы и в обыденной речи. К тому же сочинение представляло собой пеструю смесь разнообразных сведений о Петербурге, причудливый симбиоз истории, беллетристики, журналистики, публицистики, статистики, демографии. Все это и позволило отвлечь

In 1834 a publication was printed in the capital of the Russian Empire that was unprecedentedly bold for its time. This *Panorama of St Petersburg*, as it was called, was actually a sort of guidebook to the city for – Freemasons. The author was the son of the capital's military commandant, Alexander Pavlovich Bashutsky, a retired colonel and an official for special assignments with the Ministry of Justice. Since at that time titles and positions were of no assistance in overcoming the hurdle of censorship that Nicholas I instituted, it is only natural to wonder how Bashutsky managed it.

Bashutsky's book is in fact a masterpiece of allusion and circumlocution. He managed to disguise his “revelations” in such a way that they were comprehensible only to the initiated. Of course the text made no mention of Freemasonry, but the author made constant use of terms taken from Masonic teaching that were, however, also widely used in everyday speech. In addition the work took the form of a motley pot-pourri of information about St Petersburg, a bizarre symbiosis of history, belles-lettres and journalism. All this together made it possible to lull the watchful

Вид Главного Адмиралтейства. Гравюра на стали Гоберта с оригинала Горностаева. Иллюстрация к книге А. Башуцкого «Панорама Санкт-Петербурга».
View of the Main Admiralty. Engraving on steel by Gaubert from an original by Gornostayev. An illustration in Bashutsky's book *A Panorama of St Petersburg*.

Символика света в масонстве имеет центральное значение. Первым и обязательным условием для принятия в орден «вольных каменщиков» было «искание света». Масонская же инициация, то есть посвящение в братство, символически означает «переход от тьмы к свету».

внимание цензуры. Пикантность ситуации заключалась также в том, что на титульном листе масонского, по сути, издания красовалось посвящение императору Николаю I, главному гонителю масонства в России.

Утверждая, что лучшим местом для обозрения города является верхняя галерея башни Адмиралтейства, Башуцкий настоятельно рекомендует внимательно рассмотреть «наружность» башни, но намеренно не объясняет — почему. Затем он описывает путь на галерею: «Вы подниметесь на высоту ста сорока пяти футов от поверхности Невы (здесь автор замечает, что «лестница с половины делается довольно неудобной и темною». — М. С.), выйдете на круглую открытую галерею... А! вы уже на ней!» Таким образом, в действительности подразумевается, что подъем на башню символизирует «лестницу от тьмы к свету», то есть движение, в котором заключена суть масонства.

Фасад главной башни Адмиралтейства, построенного Андреем Захаровым, содержит в себе целый набор атрибутов, которые могут быть истолкованы как символы «вольных каменщиков». Таковы арка главного входа с двумя постаментами по бокам, на которых скульптуры нимф поддерживают сферы, а также фигуры почивших в Древнем Риме богинь Исиды и Урании над верхней колоннадой. Расходящиеся радиусами от Адмиралтейства Нев-

Андрей Захаров был назначен в 1805 году главным архитектором Адмиралтейства. Портрет работы В. Боровиковского. Начало XIX века.
Andreyan Zakharov was appointed chief architect of the Admiralty in 1805. This portrait of him is by Vladimir Borovikovskiy. Early 19th century.

eye of the censor. The piquancy of the situation lay also in the fact that the title page of what was in essence a Masonic publication bore a dedication to Emperor Nicholas I, the chief persecutor of Freemasonry in Russia.

Asserting that the best place from which to view the city is the upper gallery of the Admiralty tower, Bashutsky insistently recommends that the reader attentively view the exterior of the tower, but deliberately does not explain why. Then he describes the way up to the gallery: “You will ascend to a height of one hundred and forty feet above the surface of the Neva (at this point the author remarks that “half of the staircase is made fairly inconvenient and dark” – MS) and will come out onto a round open gallery... Oh, you are already upon it!” In reality the implication here is that the climb up the tower symbolizes the “stairway from darkness to light”, in other words the path that is the essence of Freemasonry. The façade of the main tower of the Admiralty, constructed by Andreyan Zakharov, bears a whole range of attributes that might be interpreted as symbols of Freemasonry. These include the arched main entrance flanked by pedestals

ский и Вознесенский проспекты составляют угол, напоминающий циркуль, что также позволяет «посвященному» наблюдателю увидеть воплощение масонской идеи.

«Прекрасно — знаете ли, где вы теперь? — задает вопрос автор и отвечает: — Вы стоите на той точке, которой тщетно искал Архимед; отсюда вы можете поднять целую страну и взвесить историю целого века, со всеми его чудесами; глаз будет вашим рычагом, а память силою». И далее: «Какая обширная, какая дивная картина!.. Откуда все эти памятники гражданственности и просвещения? Где все эти чудеса искусств, вкуса и роскоши?» Для Башуцкого слова «чудеса», «чудесный» всегда исполнены масонского смысла.

«Место, на коем вы стоите, — продолжает автор, — есть месторождение военного и купеческого флотов; в одно с ними время на противоположной стороне возростала торговля». Взор автора устремляется на Стрелку Васильевского острова, и в тексте возникает образ «рукопожатия» торговли и флота: «С двух берегов родимой реки младенцы, протянув друг другу руку, гигантской ногою из колыбели ступили в отдаленные моря...» Рукопожатие являлось одним из распространенных масонских символов. Оно изображено на знаке ложи «Соединенных друзей», действовавшей в Петербурге в первой четверти XIX века. Для Башуцкого Стрелка —

upon which sculptures of nymphs support spheres, and also the figures of the ancient goddesses Isis and Urania on the upper colonnade. The two main roads, Nevsky and Voznesensky Prospekts, diverging radially from the Admiralty form an angle reminiscent of a pair of compasses that the “enlightened” observer would also recognize as the embodiment of a Masonic idea.

“The place where you are now standing,” Bashutsky continues, “is the birthplace of the navy and the merchant marine; at the same time as them commerce grew up on the opposite side.” The author directs his gaze to the Spit of Vasilyevsky Island, and in his text the image appears of a “handshake” between commerce and the navy: “From the two banks of the dear river the infants, extending a hand the one to the other, stepped with a gigantic stride from the cradle into distant seas...” The handshake was one of the commonest Masonic symbols.

For Bashutsky the Spit was a sacred Masonic spot, but he could not say so directly and so resorted to circumlocution: “The space is cramped, but the stage is wide for fascinating intimacies, for lofty and instructive thoughts.

The symbolism of light is of central significance in Freemasonry. The prime, indispensable condition for admittance to the order was “seeking the light”. The Masonic initiation, acceptance into the fraternity, symbolically represents the “transition from darkness to light”.

Первые страницы издания «Панорама Санкт-Петербурга» 1834 года.

The first pages of the 1834 edition of *A Panorama of St Petersburg*.

священное масонское место, но прямо сказать об этом он не может и поэтому прибегает к иносказаниям: «Пространство тесное, но поприще обширное для любопытных сближений, для дум высоких и поучительных. Здесь все ознаменовано чудесными событиями; это лестница от мрака к свету...»

Ранее в описании пути на смотровую площадку Адмиралтейства присутствовала вполне реальная лестница, теперь же это — чистейшая аллегория. Что же имел в виду автор путеводителя?

Возможно, правильный ответ на этот вопрос содержит доклад, сделанный в 2002 году на конференции в Кембридже искусствоведом Григорием Кагановым, который обратил внимание на то, что в архитектурном ансамбле Стрелки наличествуют все основные элементы образа масонского храма.

Самый распространенный масонский символ — пара отдельно стоящих колонн, которые обозначают вход в масонский храм, а также символизируют границу между концом тьмы и началом света. Столбы эти подробно описаны в Ветхом Завете. Столб левый (от входа в храм) носит название Яхин, а правый — Воаз. Разумеется, это — ростральные колонны, через которые просматривается здание Биржи, имеющее вид античного храма на гранитном постаменте. К этому можно добавить,

18 Here everything is marked by wonderful events; it is a stairway from darkness to light...” Earlier, in the description of the ascent to the Admiralty viewing platform, the stairway was an entirely real one; here though it is pure allegory. But what exactly was the author implying?

Perhaps the correct answer to that question can be found in a paper that the art-historian Grigory Kaganov presented at a conference in Cambridge in 2002. In it he pointed out that the architectural ensemble of the Spit contains all the basic elements in the appearance of a Masonic temple.

The commonest Masonic symbol is a pair of free-standing pillars that denote the entrance to the Masonic temple and also symbolize the boundary between the end of darkness and the beginning of light. Such pillars are described in detail in the Old Testament. The pillar to the left (of the entrance to the Temple) bears the name Jachin, the one to the right Boaz. These are of course the Rostral Columns, between which one can see the building of the Exchange. The figures adorning the pedestals of the Rostral Columns are invested with attributes of seafaring — the

При строительстве Адмиралтейства Андреян Захаров был вдохновлен проектами французского архитектора Этьена Луи Булле, чьи работы, особенно проект расширения и реконструкции Версальского дворца, полны масонской символики.

When constructing the Admiralty Andreyan Zakharov was inspired by the designs of the French architect Etienne Louis Boullée, whose works — especially the plan for the enlargement and reconstruction of the Palace of Versailles — are full of Masonic symbols.

Каменные скульптурные группы морских нимф, несущих земную сферу, — творения скульптора Феодосия Щедрина. 1812—1813 годы.

The stone sculptural groups of sea-nymphs supporting the globe are the work of the sculptor Feodosy Shchedrin. 1812—1813.

что полукруглая площадь перед зданием Биржи, созданная наподобие искусственной платформы, на которой некогда стоял Иерусалимский храм, массивные гранитные шары на спусках пристани несут в себе символику розенкрейцера, то есть ордена, объединявшего в себе масонов высших степеней. Фигуры, украшающие постаменты ростральных колонн, наделены атрибутами судовождения — рулем, якорем, веслом, а Navigatrix (Судоводительница) — одна из ипостасей культа богини Исиды в Древнем Риме, в масонском же учении она толковалась как Водительница на пути нравственного обновления.

На южной стороне левой от Биржи колонны под левым локтем женской фигуры помещена сфера, на ней же изображен компас со стрелкой. Обычно стрелка располагается по оси «север—юг», здесь она ориентирована по направлению «запад—восток», как все масонские храмы. Вход в храм всегда был с запада, а на востоке располагался алтарь.

Каганов отметил еще одну важную особенность этого комплекса. Водопад являлся атрибутом столба Яхин. Высеченная «из пудожского камня вода» вытекает из кубического массива постамента северной стороны ростральной колонны. Это означает: северная ростральная колонна является Яхином, а южная, соответственно, Воазом, то есть левым и правым

19

ship's wheel, anchor and oar, while the Navigatrix is one of the hypostases under which the goddess Isis was worshipped in her Ancient Roman cult. In the Masonic teaching she was seen as the guide along the path of moral renewal.

On the southern side of the column to the left of the Exchange, beneath the left elbow of the female figure, we find a sphere and on it a depiction of a compass with an arrow. Usually the arrow on a compass lies north-south; here it is oriented in an east-west direction, as are all Masonic temples. The entrance to the temple was always from the west, while the altar was located in the east.

Kaganov noted one more important feature of this complex. A waterfall was an attribute of the Jachin pillar. Water carved from the Pudozh stone flows from the cubic mass of the pedestal on the northern side of the Rostral Column. This indicates that the northern Rostral Column is Jachin, and the southern one therefore Boaz, in other words, the left- and right-hand pillars. It follows that the temple is situated on the opposite side from the Exchange. Kaganov put forward this explanation: “the real Masonic temple

В судьбе архитектора Тома де Томона принимали участие видные масоны того времени: основатель ложи «Соединенных друзей» вице-президент Академии художеств Петр Петрович Чекалевский (справа) и президент Академии Александр Сергеевич Струганов (вверху).

The prominent Masons of the day helped to further Thomas de Thomon's career: Piotr Chekalevsky (left), the vice-president of the Academy of Arts, and Alexander Stroganov (above), its president.

Над колоннадой Адмиралтейства установлены статуи, олицетворяющие четыре времени года, четыре стихии, четыре главных направления ветра. Образы скульптур связаны с мифами о морской стихии.

Statues placed above the Admiralty colonnade embody the four seasons, the four elements and the four main wind directions. These images connected with myths about the sea.

столбами. Следовательно, храм находится в противоположной от Биржи стороне. Каганов предложил этому такое объяснение: «...настоящим мasonicким храмом оказывается вовсе не здание Биржи, а простор Невы, открывающийся между роstralными колоннами для того, кто смотрит от восточного портика Биржи. То есть храмом оказывается простор воды и воздуха». Поскольку на вершинах колонн должны гореть огни, а пространство Невы заключено в гранитную раму, составленную из стен Петропавловской крепости, набережной левого берега и платформы Биржи, — все это представляет собой сочетание четырех стихий: воды, воздуха, огня и земли. А это символизирует обрядную инициацию, которую должен был пройти каждый, совершающий путь от тьмы к свету.

Вполне вероятно, что аллегория «возвращения к свету» в виде инициации четырьмя стихиями предполагалась авторами замысла ансамбля. Но более вероятным представляется другое толкование, которое, скорее всего, имел в виду Башуцкий. Нельзя не заметить, что с площадки Биржи между двумя колоннами открывается картина вполне реального храма — Петропавловского собора, прямо на который указывает стрелка компаса на сфере. Очевидно, собор Петра и Павла интерпретировался как мasonicкий храм, вход в кото-

рый предваряли Йахин и Воаз — роstralные колонны.

Башуцкий в своей книге утверждал, что Стрелка — это «скрижаль, на которой... вырезано только одно имя». Можно предположить, что имеется в виду император Александр I. Именно он 23 июня 1805 года, накануне главного мasonicкого праздника — Иоаннова дня, собственноручно заложил здание Биржи и, видимо, был автором всего замысла, воплощенного в жизнь французским архитектором Ж. Тома де Томоном. Однако, скорее всего, это — Петр Великий, прах которого покоится в Петропавловском соборе. Именно его Башуцкий называет «Великим строителем», а само издание «Панорамы» открывается иллюстрацией «Петр основатель Петербурга, творец величия и славы России». А имя Петра в тексте обязательно связывается со «светом», рассеивающим тьму: «Присутствие Петра оживило пустыню: под стопой его *дикий гранит* принимает правильный вид, <...> на берегу моря возникает юный город; с ним вместе восходит роскошное светило дня; оно золотит стройные верхи Византийского храма и *лет отсюда лучи* на небосклон. Сердцем, взором, дланью царь-гений приветствует восход обетованного светила над юною столицей, милой его сердцу пересозданной им страны; он молит, *да лет на нее вечно*

Уrania — это муза астрономии. Мasonicы считали астрономию одной из важнейших наук. В Петербурге существовала мasonicкая ложа «Уrania», членом которой был, в частности, Александр Радищев.

Urania is the muse of astronomy. The Masons considered astronomy one of the most important sciences. There was a Masonic lodge named Urania in St Petersburg.

Внизу. Запон (фартук) — один из главных предметов мasonicкого одеяния — носили под мундиром, кафтаном или фраком. Запон степени Иоанновского мasonicства. Конец XVIII века.

Below. The apron is one of the chief articles of Masonic dress. It was worn beneath a uniform, caftan or frock-coat. An apron of one of the St. John's (Craft) degrees. Late 18th century.

В то время, когда создавался этот ансамбль, в России получило широкое распространение мasonicство по образцу шведского, а в Стокгольме именно Биржа была тем местом, где собирались «вольные каменщики».

Женская фигура на северной роstralной колонне наделена атрибутами Исиды: длинными локонами, музыкальным инструментом, а также рогом изобилия, который в символике мasonicства означал слезы, пролитые Исидой над убитым Осирисом. Они-то и считались в Древнем Египте причиной разлива Нила, приносившего плодородие и изобилие. Мужская фигура на северной роstralной колонне правой рукой придерживает сосуд с вытекающей из него водой, что, по-видимому, является аллегорией Нила.

This woman is holding a horn of plenty. In Masonic symbolism it denoted the tears that Isis shed over the murdered Osiris. In Ancient Egypt those tears were considered the cause of the Nile floods that brought fertility and abundance. On the northern side of this same pedestal is a bearded male figure whose right hand holds a vessel from which water flows — apparently an allegory of the Nile.

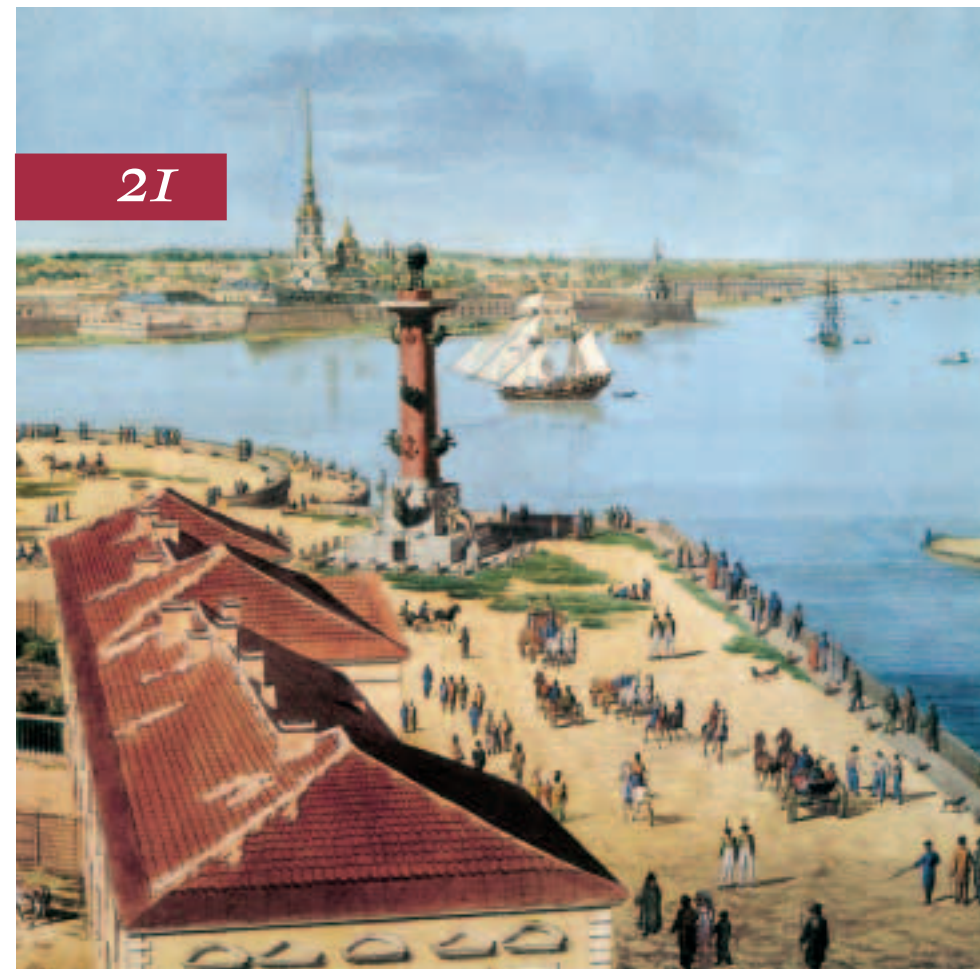

Владимир Денисов

Владимир Денисов

21

At the time when this ensemble was created the Swedish rite of Freemasonry was becoming particularly popular in Russia and in Stockholm the Exchange was the place where the Masons gathered.

«Александр I был связан с мasonicством и так же, как мasonicы, искал истинного и универсального христианства», — писал Николай Бердяев.

“Alexander I had Masonic connections and, like the Masons, sought a true and universal Christianity,” Nikolai Berdiayev wrote.

turns out to be not the building of the Exchange at all, but the expanse of the River Neva that opens up between the Rostral Columns. In other words, the temple turns out to be an expanse of water and air. Since it was intended that fires burn on the tops of the columns, while the space of the Neva is enclosed in a granite frame made up of the walls of the Peter and Paul Fortress, the embankment on the left bank and the platform of the Exchange, this all presents a combination of the four elements: water, air, fire and earth. And that symbolizes the ritual initiation that every man following the path from darkness to light had to undergo.

It is entirely possible that the allegory of “being led towards the light” in the form of initiation through the four elements was intended by those who devised the ensemble. Even more likely, though, it would seem is another interpretation that was most probably in Bashutsky’s mind. It is impossible not to notice that looking from the terrace of the Exchange between the two columns you have a view of an entirely real place of worship — the SS Peter and Paul Cathedral, to which the arrow of the compass on the sphere also

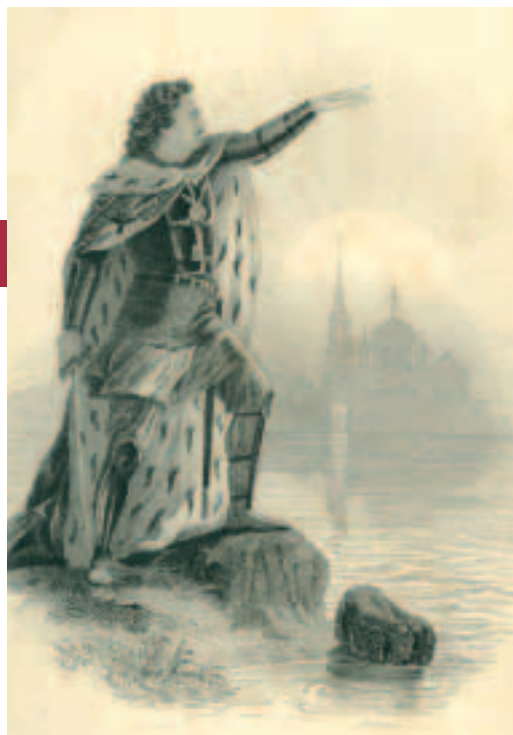
points directly. Evidently the cathedral was being interpreted as a Masonic temple, the entrance to which was heralded by Jachin and Boaz — the Rostral Columns.

In his book Bashutsky asserts that the Spit is “a tablet upon which ... only one name is carved.” It might be suggested that he had in mind Emperor Alexander I. It was that Tsar who, on 23 June 1805, on the eve of the main Masonic feast, St John’s Day, personally laid the foundation stone for the Exchange building and was apparently the author of the entire concept that was then realized by the French architect Thomas de Thomon. More probably, however, the reference is to Peter the Great, whose remains rest in the SS Peter and Paul Cathedral. It is that Tsar that Bashutsky calls “the Great Builder” and invariably associates in his text with light dispersing darkness. “Peter’s presence enlivened the desert: beneath his foot *wild granite* takes on a regular form... on the coast of the sea, the young city appears; together with him the glorious luminary of the day arises; it turns to gold the slender tops of the Byzantine temple and *pours from there rays* upon the

благодатный свет свой...» (Курсив мой. — М. С.) Таким образом, деяния Петра явно представляются масонским «движением к свету».

Однако есть ли основания причислять Петра к масонам? История российского масонства начинается с 1731 года, то есть шесть лет спустя после смерти великого преобразователя. Правда, ходили слухи о посвящении Петра в масоны за границей, но никаких документальных свидетельств этого нет. Тем не менее российские «вольные каменщики» сознательно или бессознательно связывали с масонскими идеями преобразовательную деятельность Петра.

Теперь становится понятным и замысел всей книги Башуцкого. Петр I, царь-масон, создает в пустыне Иерусалим всего за 22 года. Не случайно вся первая часть посвящена истории создания Петербурга. Однако тема эта исчерпывается смертью Петра, хотя строительство города не только не остановилось с кончиной преобразователя, а, напротив, приобрело систематический характер при его преемниках.

Петр I на Стрелке Васильевского острова. Иллюстрация к книге А. Башуцкого «Панорама Санкт-Петербурга».

Peter the Great on the Spit of Vasilyevsky Island. An illustration in Bashutsky's book *A Panorama of St Petersburg*.

firmament. With heart and gaze and hand, the Tsar-genius hails the rise of the promised orb above the young capital of the country that is dear to his heart and that he has transformed; he prays, *may your gracious light pour forth upon it for ever.* [My italics – MS] Thus Peter's deeds are clearly pictured

Но если в трактовке Петра как основоположника движения отечественных «вольных каменщиков» Башуцкий опирался на масонскую традицию, связывавшую свое движение с деятельностью великого преобразователя, то в истолковании архитектурных памятников он шел гораздо дальше их создателей, наделив всю топографию столицы масонским смыслом. Предал ли он гласности сокровенные тайны, ставшие ему известными в лоне ордена, или же предложил публике свои фантазии? Это тоже одна из тайн истории Петербурга, которая пока еще не раскрыта. ■

«Обложение камнем берега Васильевского острова, от старой биржи до Исаакиевского моста» началось в 1804 году, а в 1810-м работы были завершены.

The facing of the shoreline of Vasilyevsky Island in stone from the old exchange to St Isaac's Bridge began in 1804 and was completed in the 1810s.

as a Masonic “movement towards the light”.

Are there grounds, though, for numbering Peter the Great among the Masons? The history of Russian Freemasonry began in 1731, six years after the death of the great reformer. There were, admittedly, rumours of Peter's initiation into the Masons abroad, but there is no documentary evidence to support this. Nevertheless, consciously or unconsciously, Russian Freemasons associated Peter's reforming activities with Masonic ideas.

While Bashutsky's view of Peter as the founding-father of Freemasonry in the country was founded on Masonic tradition, in his interpretations of architectural edifices he went far further than their creators, investing the whole of the capital's topography with arcane meaning. Did he make public occult secrets divulged to him as a member of the order, or was he offering the reader his own fantasies? That too is one of the mysteries of St Petersburg's history that has not yet been solved. ■

«Великий строитель», или «Великий архитектор», – это один из основных масонских терминов, восходящий к легенде об Адонираме, строителе Иерусалимского храма.

The “Great Builder” or “Great Architect” is one of the basic Masonic terms, going back, once again, to the legend of Adoniram, the builder of the Temple in Jerusalem.